

**ИНФАНТИЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ АМЕРИКИ 60-Х И ТИП
МИРОВИДЕНИЯ ГЕРОЯ-БУНТАРЯ (НА ПРИМЕР РОМАНА ДЖ. ГАРДНЕРА *THE
SUNLIGHT DIALOGUES*, 1972)**

**SOCIAL DISEASE OF INFANTILISM OF AMERICA 60's AND PHILOSOPHY OF
REBEL HERO (FOR EXAMPLE J. Gardner *THE SUNLIGHT DIALOGUES*, 1972)**

В статье исследуется характер мировоззрения главного героя, сторонника молодежного бунта, освещенного анархической «свободой» существования в контексте духовной многоликости Америки 60-х.

This article examines the nature of philosophy of the protagonist, supporter of youth rebellion, illuminated anarchic "freedom" in the context of the existence of multi-faceted spiritual America 60's.

В романе «Диалоги с Солнечным» (*The Sunlight Dialogues*, 1972) [5] Дж. Гарднера впервые в своем творчестве обратился к актуальной проблематике: время создания романа и время разворачиваемых в романе событий (незадолго до начала активных общественных движений конца 60-х годов) совпадают. Повествование начинается с того, как полицией маленького провинциального городка Батавия был арестован странный бородатый человек, который вывел большими буквами слово «любовь» прямо на проезжей части оживленного шоссе. Человек, назвавшийся Солнечным, на самом деле, Тэггарт Ходж, бывший адвокат, младший сын уважаемого батавийского семейства. Ходж однажды покинул родной город, теперь же он вернулся Солнечным, щедро одаренным плодами последних веяний времени, чтобы выяснить отношения со многими людьми, открыть им свой новый взгляд на мир, который, по его мнению, надо спасать. В полиции Солнечный сказал, что он студент, и не случайно. В 60-е годы в Батавии действительно стали появляться молодые «оборванные», бородатые «хиппи» типа Солнечного, которые пугали обитателей тихого провинциального городка. Сюжет романа построен на диалогах главных героев, полицейского Клампи и Солнечного, который вскоре сбежал из участка. Шеф полиции вместо того, чтобы «поймать и обезвредить» преступника, начинает тайно с ним встречаться и вести беседы, из которых и состоят «диалоги» романа

Гарднера. Писатель использует диалогическую форму как наиболее адекватное выражение двух миропониманий, двух жизненных позиций, одна из которых соответствует мировоззрению официальной американской демократии, ставящей принципы Закона и Порядка превыше всего (шеф полиции Кламли), другая «выражает беспокойный бунтарский дух новейших умонастроений» (Солнечный) [2, с.46].

Диалоги героев написаны в традиционной форме диалога-беседы. Тирады Солнечного чередуются с репликами Кламли, они практически не прерываются повествовательным романским текстом, причем каждый из них даже специально выделен Гарднером словами *«так начался первый диалог между Кламли и Солнечным»* [5]. Но диалоги в романе Гарднера не ограничиваются диалогами Солнечного и Кламли, Весь роман представляет собой диалоги Солнечного с разными людьми: Солнечный и Клайв Пэкстон, Солнечный и его невестка Милли, Солнечный и Люк Ходж и т.д. Этим Гарднер демонстрирует не только многоликость Америки 60-х, но и помогает всесторонне раскрыть характер и мировоззрение главного героя.

Однако теория, которую создает герой на протяжении всего романа, подробно излагается только в четырех центральных диалогах Солнечного и Кламли.

На первый взгляд речи Солнечного перегружены повествованием излишним философствованием. В них пересекаются библейские цитаты с идеями Шопенгауэра, древнеиндийская ведическая философия с системами Платона, Киркегора и Шпенглера. Но видимо, такой прием был для Гарднера единственно возможным способом раскрытия внутреннего мира героя, его интенсивных попыток саморефлексии.

Одно из центральных мест в романе (в размышлениях Солнечного) занимает история и развитие науки Месопотамии, а также ее культурные традиции. Широкий охват истории Месопотамии оказывает свое влияние на тематику романа Гарднера, служит основой мировоззрения героя. Так,

Солнечный считает современную западную культуру порождением того ложного миропонимания, которое впервые нашло выражение в этике Нового Завета. Он противопоставляет иудейскую этику с ее проповедью ответственности человека за соблюдение законов и многочисленными ограничениями и вавилонскую этику, признающую человека абсолютно свободным. Иудейская культура, из которой Запад извлек многие ключевые идеалы, касающиеся справедливости и регулирования социального порядка, пришла к принятию человека как инструмента в развитии гражданских и религиозных законов. С этой точки зрения, Кламми характеризуется Солнечным как «иудей»: *«мрачный, скучно рассудительный»* [5, с.250], сам же Солнечный – *«вавилонянин»*. В то время как иудеи охотно отказались от своей свободы, чтобы согласиться с желанием божества, Солнечный как «добрый вавилонянин», принимает на себя принцип анархической свободы. При таком подходе правовой аспект современного общественного устройства в понимании Солнечного смещается от системы соблюдения Порядка и Закона к более абстрактному взгляду на правосудие: *«Я думаю, ваши законы не относятся к делу, неуместные, глупые, антигуманные, – говорит он шефу полиции Фреду Кламми. – Я думаю, вы поддерживаете цивилизацию при помощи разновидности усреднения. Все преступления равны, потому что вы определяете преступление, а не преступника...В мире существует добро и зло, но они не имеют ничего общего с вашими судами... Я беспокоюсь о каждом отдельном случае. Вы не беспокоитесь ни о чем, кроме среднего. Я люблю правосудие, справедливость – вы любите закон. Я – вавилонянин, а вы – один из иудеев»* [5, с.327]. Размышляя о вавилонской этике, Солнечный открывает своему собеседнику (и читателям) свое представление о современном обществе и мире, основанное на проповеди абсолютной свободы воли, своеобразно по-американски трансформируя основные понятия западного экзистенциализма.

Во второй встрече с шефом полиции Солнечный продолжает рассказ с того места, где он остановился в прошлый раз, объясняя смысл вавилонского

прорицания: *«После прорицания можно действовать вместе с богами. Вы обнаруживаете, в какую сторону течет поток событий, и плывете в том же направлении»* [5, с.419] Он комментирует далее отношение между вавилонской добродетелью повиновения закону, и снова отмечает различие двух философий в сексуальных, социальных и политических вопросах. Современная цивилизация, доказывает Солнечный, ошибается в возвышении рационального и презрении интуитивного. Научное предубеждение и недоверие к интуиции подрывает попытки установления «вавилонской» свободы.

Третий диалог – «Диалог Смерти – происходит в подходящем для данного разговора месте, в кладбищенском склепе. Солнечный пересказывает Кламли «Поэму о Гильгамеше», древнейший памятник вавилонской литературы, в котором, кроме всего прочего, утверждается неизбежность смерти и тщетность действий, идущих вразрез с желанием богов. Но в этой беседе Солнечный постепенно выходит за пределы своей «вавилонской одержимости» и больше говорит непосредственно о конфликте между им самим и Кламли. Он завершает рассказ метафорическим вопросом, предвещающим кульминационный момент четвертого диалога, когда Кламли отведет оружие от Солнечного. Этот предпоследний диалог заканчивается дилеммой: как поступит Кламли в такой ситуации, будет ли он *«действовать на стороне вселенной и освободит это просвещенное «дерево космоса» или будет «действовать для человечества»* [5, с.536] и исполнит свой гражданский долг? Солнечный оказывается лицом к лицу перед тем же выбором: убить Кламли («действовать для вселенной», поскольку Кламли служит системе, несовместимой с космической реальностью) или убить Кламли и себя («действовать для человечества»), поскольку один является «ненужным» полицейским, а другой преступником? Пока это остаётся неразрешённым.

Четвертый диалог более короткий – каждый новый диалог короче предыдущего – и Кламли, хотя это можно заметить не сразу, постепенно становится хорошим «учеником». Встреча происходит на Каменной Горе, в

месте, возвышающемся, как и город Гильгамеша Урук, в силосной башне. Солнечный немного рассуждает о башнях Вавилона и их символическом значении, затем делает заключение о том, что, в конце концов, города пали, и это было предсказанием судьбы будущих цивилизаций. *«Башни Америки (!) тоже упадут, возможно, это будут последние башни западной цивилизации»* [5, с.633]. В последнем диалоге героев Гарднер подводит черту рассуждениям Солнечного – суровый взгляд на культурную энтропию перечеркивает заявления Солнечного о космическом порядке, несовместимом с разрушением. Его последняя неясная ссылка на «секретные силы вселенной» оказывается вялой, и Солнечный оставляет нерешенным вопрос о значении его анархической свободы во вселенной без порядка. В этот момент, как было предсказано, Кламбли сам завладевает оружием, но только для того, чтобы закричать Солнечному: «Ты свободен». Но это утверждение иронично – Солнечный в этот момент мог быть кем угодно, но только не свободным, он утрачивал свою свободу с каждой новой попыткой продемонстрировать ее. Он совершал бессмысленные преступления, чтобы доказать, что он совершенно свободен. Он думал, что «существуют еще обширные области свободы» и пытался быть безнравственным только для того, чтобы найти для себя это бесчисленное количество выборов, которые он может сделать, и действий, которые он может совершить. Таким образом, ирония смерти Тэггарта Ходжа состоит в том, что безответственные действия, которые он совершил – побеги, поджоги, убийства, различные трюки – создали напряженную атмосферу, приведшую к тому, что он был застрелен напуганным полицейским как раз в тот момент, когда хотел сдаться. Давая уйти своей жертве, Кламбли не действует, как предполагает Солнечный в третьем диалоге, «на стороне вселенной». Скорее он действует из побуждений менее грандиозных – из простого человеческого сочувствия. Да и сам Солнечный, твердя о готовности плыть с космическим потоком, никогда не пытался убедить себя в том, что «таинственные силы вселенной» существуют. В действительности, он чувствовал всю бессмысленность и абсурдность Вселенной. Вавилонское учение

приводит его к экзистенциалистскому отчаянию, и он ощущает, что быть в гармонии с такой реальностью означает гармонию с хаосом и энтропией. Вселенная отказывает Ходжу в жизни согласно его ожиданиям. Как объяснил сам Гарднер в одном интервью: «Солнечный может видеть всякого рода безумные альтернативы, но в этом он не находит ни порядка, ни согласованности. Он дикий романтический поэт, не имеющий надежды на Бога» [4. с.88.]. Солнечный экспериментирует с абсолютной свободой экзистенциалистской философии, и она уничтожает его.

В отличие от самого Солнечного, Гарднер не настаивает на оригинальности взглядов своего героя. Более того, в романе они выступают как знамение времени. Рассуждения Солнечного состоят не только из толкований месопотамской истории и культуры, но и из пространных цитат известных философских идеалистических работ, которые питали современную философскую мысль, породившую молодежные движения и контркультуру 60-х годов. Речь идет о кризисе фундаментальных основ мирозерцания. Общим знаменателем разнообразнейших форм молодежного протеста стал метафизический протест, вылившийся в целый ряд «внутренних» революций. Эти «внутренние» революции выразились в трансформации сознания с помощью магии и эскультизма, йоги и наркотиков, преобразовании чувственности посредством «соматической мистики», сексуальной революции, наркотиков и т. п.» [1, с.250]. Как уже отмечалось выше, диалоги главного героя с шефом полиции Фредом Кламбли построены на противопоставлении двух мировоззренческих позиций. Основной вопрос, поставленный автором в центре этих диалогов – проблема соотношения индивидуального и общего, иными словами, вопрос свободы воли и необходимости на материале современной американской демократии. «Демократия на Западе скептически... В основе своей она исходит из предположения, что человек постоянно может познавать лишь частные истины... Весь ее смысл заключается в том, чтобы каждому человеку гарантировать свободное пространство, внутри которого он может считать

истинным то, что ему угодно» [3, с.19]. Иными словами, современная демократия построена на противопоставлении личных, индивидуальных интересов общественным, и тем самым нарушает принцип единства индивидуального и социального. В Америке принцип свободы индивида в обществе, построенном по принципу мнимой индивидуальной свободы, по мнению писателя, давно превратился в фикцию, что особенно отчетливо проявилось в полицейской системе США, системе закона и порядка. Современная американская и западная демократия как будто обеспечивает каждому человеку безграничную свободу в его мыслях и следовательно, действиях. Но таким образом человек, оберегая свою индивидуальную свободу, свои «частные истины», постепенно теряет социальную ориентацию. Индивидуальная свобода превращается в фикцию, и формируется либо обыватель-конформист, либо анархический инфантильный тип человека, для которого мир существует лишь как его воля и представление. Герой Гарднера разделяет американское общество на полицейских и грабителей – на тех, кто охраняет интересы конформистской массы, и тех, кто асоциален, проповедует принцип абсолютной индивидуальной свободы. Солнечный, изгой в современном обществе, отрицает возможность индивидуальной свободы в рамках общественного ограничения. Поэтому единственная альтернатива, которую предлагает Солнечный – обрести тотальную свободу от общества. Его духовная апатия, отрицание любой возможности позитивной альтернативы существующему Порядку диктуются поведенческим кодексом «эгоцентричного инфантилизма».

Список литературы

1. *Давыдов, Ю.Н.* Социология контркультуры. Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь / Ю.Н. Давыдов. – М., 1980.
2. *Мулярчик, А.С.* Послевоенные американские романисты / А.С. Мулярчик. – М.: Художественная литература, 1980.
3. *Пазенок, В.С.* Апология аморализма: Критический очерк буржуазного этического релятивизма / В.С. Пазенок. – М., 1982.

4. *Bellamy, J.D.* The New Fiction. Interviews with Innovative American Writers / J.D. Bellamy. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1974.
5. *Gardner J.C.* The Sunlight Dialogues. / J.C.Gardner. – N.Y.: Knopf, 1973.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ